

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА И САХАЛИНА

Марина Викторовна ОСИПОВА,
старший преподаватель ДГГУ, г. Хабаровск

В начале XXI столетия в результате ускоряющихся глобализационных процессов, начавшихся в экономике, остро встала проблема сохранения и изучения культур коренных малочисленных народов России и их взаимодействия между собой.

Известно, что основой любой культуры является язык, на котором говорит определённая группа людей. Язык кроме функции общения формирует также и самосознание этноса, являясь в то же время средством, помогающим сохранять и поддерживать традиции. Он осуществляет тесную связь с историей народа и продолжает фиксировать культурно-историческое своеобразие этносов, особенно бесписьменных, к которым относились аборигены Нижнего Амура (айны, ульчи, нивхи, нанайцы, удэгейцы, орочи, уйльта/ороки, негидальцы), тем самым противодействуя тенденции унификации культур постиндустриального общества.

С древних времён, а учёные предполагают, что люди населяли Амуро-Сахалинскую историко-этнографическую область 30 000 лет назад, в близком соседстве проживали представители вышеперечисленных тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских племен¹. Л.И. Шренк в 1883 г. отмечал, что на первый взгляд трудно было отличить народности этого региона по их антропологическим признакам, но легко определить, к какому этносу они принадлежат, услышав их речь, так как говорили аборигены на разных языках. Если на Нижнем Амуре преобладали языки тунгусо-маньчжурской группы, ульчский, по мнению известного российского исследователя ульчского языка О.П. Суника, — тунгусской, то два других языка (нивхский/гиляцкий и айнский) стояли особняком в языковой классификации. До сих пор эти два языка по своим лингвистическим признакам не принадлежат ни одной из установленных языковых семей, и попытки лингвистов выяснить их родственные связи убедительных результатов пока не дали. Поэтому Л.И. Шренк в XIX в. объединил их в особую группу и даже ввёл для их обозначения новый термин, принятый теперь в научном мире — палеоазиатские языки².

Однако, несмотря на существенные различия в языках соседствующих народов, языковая ситуация в этом регионе характеризовалась активным полилингвизмом, что было обусловлено различными причинами, носившими в основном социокультурный характер.

По справедливому замечанию Э. Сепира, языки редко остаются самодостаточными³. Поэтому для обеспечения взаимопонимания между члена-

ми складывающегося в определённой (в данном случае Амуро-Сахалинской) историко-этнографической области был необходим непрерывный процесс коммуникации, который обеспечивался бы основным его средством — языком, будь то дружеское или враждебное общение. Соседствующие народы, стоявшие фактически на одной ступени общественного развития, вступали в непосредственный или опосредованный контакт, что естественным образом в условиях длительного сосуществования этносов на одной территории привело к возникновению языковых параллелей в лексическом составе их языков. Таким образом, языковая этническая обособленность становилась в той или иной степени формальной.

Процессу взаимопроникновения лексических единиц из одного языка в другой способствовали прежде всего экстралингвистические факторы. Одним из важнейших условий, влияющих на межкультурные и межэтнические процессы, когда происходит заимствование лингвистических единиц, является такой этнокультурный фактор, как взаимные браки, и как следствие его — процесс метисации.

По данным переписи 1897 г., было установлено, что среди нивхов Амура проживали айны, ульчи и другие народности. В свою очередь М. М. Добровровский и С. Патканов отмечали, что и на Сахалине можно было встретить айнов в нивхских селениях и нивхов — жителей айнских селений. Данные археологических раскопок XIX и XX вв. прямо указывают на существование айнского компонента в антропологическом типе нивхов и ульчей⁴. Подтверждением являлся и пёстрый родовой состав каждой из народностей. Сегодня на территории Нижнего Амура, в частности в Ульчском районе Хабаровского края, проживают потомки айнско-ульчских родов Куйсали и Дуван и нивхско-айнского рода Дуван⁵.

Вторым не менее важным фактором является сходный тип хозяйства. Все вышеперечисленные народы были охотниками, рыболовами и собирателями. По мнению дальневосточного учёного Э. В. Шавкунова, об айнах, вернее, их первопредках сушенях и племенах древних тунгусо-маньчжуров, населявших бассейн р. Амура, впервые стало известно из китайского трактата «Чжу-цзу-цзы-нянь» («Бамбуковые анналы»). Уже в те далёкие времена обнаруживались определённые параллели в материальной культуре древних племён и прямые указания на заимствования тунгусоязычных народов из языка древних нивхов терминов, связанных с рыболовством, морским промыслом, собачьей упряжью и некоторыми видами одежды⁶.

Через межэтнические контакты народов происходило определённое заимствование материальных и культурных ценностей соседей, что в конечном итоге влекло за собой акцепцию лингвистического материала контактирующих языков. Так, по утверждению Б. О. Пилсудского, айнское название петли-ловушки из конского волоса для ловли куниц *ка*, как и сам вид такой ловушки, пришло к айнам от амурских племён, по-видимому, от ульчей. Айнское слово *танку* — *сотня* для счёта таких ловушек заимствовано из ульчского языка. Ульчи Нижнего Амура подсчитывали подобным образом количество установленных петель-ловушек, айнское же слово *сотня* звучит как *асисне хот*. Айнский вид гарпуна со съёмным крюком *китэ* широко использовался народами Амура в рыболовстве и носил у последних название *гида*⁷.

Если принять во внимание теорию о южном происхождении айнов, то, как утверждали Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский, в лексикон айнов — южан, незнакомых с суровыми климатическими условиями о-ва Сахалин, вошли такие слова из быта нивхов, как шапка *хакка* (нивх. *hak*), штаны *ойо*, шуба *обба*⁸.

Помимо заимствований предметов материальной культуры и их названий традиционная духовная культура также являлась своеобразным катализатором в процессе взаимопроникновения в язык иноязычных слов. Из айнского в тунгусо-маньчжурские языки пришло название важного ритуального предмета, без которого не обходилось проведение медвежьего праздника, заострённой палочки, или просто стружек *инау*, по-нивхски это слово звучит *нау*, по-ульчски — *иляу*, *иллау* — с уйльта, по-орочски — *илау* и *иляу* — у нанайцев. Среди айнских ритуальных предметов один занимал особое место, и его происхождение было явно нивхским. Это была нивхская антропоморфная фигурка, охранявшая здоровье ребёнка *ни-ипохо инау*.

Есть сходства и в названиях музыкальных инструментов, которые бытовали у айнов и народов Нижнего Амура и Сахалина. Например, нивхский дугообразный музыкальный инструмент носит название *варган-канга*, в ульчском — *мухэлэ*, по-айнски *кани-мукку* или *муккури*. В названии айнского струнного инструмента *тонкори* слышится созвучие с нивхским *тынгрына*, ульчским *тэнгкэрэ*, орочским *дудуманку*, нанайским *дуучеке* и удэгейским *дзуланку*.

Очень важным фактором (кроме перечисленных), который оказывал заметное влияние на распространение элементов культуры, включая язык, являлась и торговая инфильтрация. Народам Нижнего Амура и Сахалина, принимавшим участие в ярмарках и проводившим торговые операции, необходимо было понимать язык, на котором изъяснялся партнёр по бизнесу.

По свидетельствам очевидцев, исследователей Дальнего Востока, начиная с японского путешественника Мамия Риндзо, все участвовавшие в товарообмене народности «легко понимали друг друга». На ярмарку в Дерене (Нижний Амур), по словам того же Мамия Риндзо, собиралось до 500 чел. со всего региона и даже из русской Кяхты. Значительные по своим масштабам ярмарки проводились и на Сахалине, куда прибывали торговцы с Нижнего Амура, это были ярмарки *башо*, учреждённые кланом Матсумаэ в айнских поселениях Сирануси и Найоро⁹. Правда, Л.Я. Штернберг отмечал, что и тунгусо-маньчжуры, и айны легко усваивали все местные языки, трудным оставался для всех нивхский, поэтому нивхам приходилось объясняться на чужих языках. Случалось, что торговцы Сантана, Сумеренкура и Корудекке (так айнские купцы именовали народы Нижнего Амура: ульчей, нивхов, нанайцев) в качестве оплаты за товар или за долги забирали у айнов детей, обучали их своим языкам, чтобы потом использовать их в качестве переводчиков. Часто нижеамурцы брали себе в жёны айнских женщин и увозили их на материк¹⁰. Поэтому неудивительно, что и тунгусо-маньчжуры, и палеоазиаты Дальнего Востока имеют в своих языках сходные лексические единицы.

Анализ слов, включённых в айнско-русский словарь М. М. Добротворского, в словарь тунгусо-маньчжурских языков, нивхско-русский, нанайско-русский, ульчско-русский словари, а также сведения, полученные от информантов в результате полевых исследований, позволил выделить ряд семантических групп среди таких лексических единиц:

слова, связанные с кровнородственными и общественными отношениями, *отец* (ай.гамба, ороч.ама, нег. амай), *дядя* (ай.ача, нан. апка), *друг* (ай.янта, уд.анда, ороч.андал, нивх. нафк), *слуга, раб* (ай.иванки, уд. нинка, уль.няка, нивх.наны) и т.д.;

биогеографическая лексика, включающая слова, которые обозначают названия растений, животных, природные явления — *нерпа* (ай.амусье, ороч.амбуси, ороч.амусье), *муравей* (ай.ицирись, уд.иктэ, нег. ириктэ, нан. силуктэ), *земля, глина* (ай.той, уль.тоакса, уд.тапти, нивх.токо), *шиповник* (ай.копоконь, ороч.кийокто, уд.киокто);

бытовая лексика, куда входят названия промысловых орудий, одежды и предметов домашнего обихода, показывает особенности уклада жизни аборигенов — *гарпун* (ай.китэ, уль.гида, нивх.кита), *мужская юбка из шкуры нерпы* (ай.хокка, уд.хося, нивх.коск), *студень из рыбьей кожи* (ай.мось, ороч. муси, нивх.мос) и т.д.

Займствованный лингвистический материал мог иметь различную природу: звуки, буквы, правила произношения, слова, строевые элементы языка и т.д. Поэтому заимствование, в частности лексических единиц из других языков, как правило, вносит изменения в звуковой состав, грамматический строй, лексикон контактирующих языков. Слова из айнского, нивхского и тунгусо-маньчжурских языков, представленные в таблице, наглядно демонстрируют произошедшие в них на лексическом и фонологическом уровнях изменения¹¹.

Таблица 1

Языковые параллели в языках тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов

Айн.	Ороч.	Удг.	Ульч.	Уйл./ орок.	Негидал.	Нанай.	Нивх.	Рус.
гамба	ама	амин	ама, амин	амма	амай	ама		отец
ача		абуга	ага			апка		дядя
аки, каки	ака	ака	ага	ака	ака	аки, акан	ыкын, атик	брат
по			пурули, пиктэ	путтэ		пэнтэ	пфить ньр ньршить	дитя
янта	анда	анда	анда, дё	андал	анда	анда	нафк	друг
иванки	н'инка	нинка	няка	н'акка	никан	н'ика	наны	слуга, раб
голя	гилэми	гилэми	гилэми	гилэ	гилаха	гилими		гиляк (нивх)
нуча	лоча	лоча	лоча		лоча	лоча	лоча	русский
той		тапти	тоакса, типа			тоакса	токо	земля, глина
унджи			тава	то		тава	т'увдь, т'угр	огонь

Айн.	Ороч.	Удэг.	Ульч.	Уйл./ орок.	Негидал.	Нанай.	Нивх.	Рус.
кимта	када	када	кадали	када	када			скала
омуто	аму	аму	омо	амун	амун	амут		озеро
яма	мо	мо	мо	мо	мо	мо		лес, палка, сучки
нухваки	набо		нямулта		навухта	наокта		дёрн, мох
горахни	га	га	гара	гара	гайя	гара		ветка
кинени	калихи	калех	калхи	калихи		хораха		вяз, ильм
дагни	дуоктэ		пелтэ	дувэтэ	дивэгдэ	д'увагда дивэгдэ		берёза
копо- конь	кийокто	киокто	коёкто	кийокто		кимко		шиповник
сэкурэ		сэнкэ	сэнкурэ	сэнэтурэ		сэнкуру		багульник
куни-ух- туру			каню	канги		кангой		морская капуста
амусьпэ, помпэ	амбуси, пэттэ			амусьпэ		пэнтэ	пыхи	нерпа
ицириь	иктэ	иктэ	синоно	сируктэ	ириктэ	силуктэ		муравей
кайя			котули	кутули		котоли	кый	парус
охта	ада	угда	угда	угда	ада	огда	орнму	лодка
гонивэ		геу	геули	геу		гиол		весло
китэ	гида	гида	гида	гида	гида	гида	кита	гарпун
ку	бури		бури	буи		бури	бундь	лук
тунакай			тучи	тукки		токи	т'у	нарта
кума	каврихи	каури	каури	каури		каори	каурш	остол
онка	унта	унти	ута	унта		ота	(к)хи	обувь
гахка	апу	ау	апун	апун	апу	апон	хак	шапка
гампаки	гайка		гару	гарон	гайин	гаро		наколен- ники
хокка		хося	хоси	хося		хося	хоски, коск	юбка из нерпы
кани		кана	накан		кани	накан	накн	нары
исирюв	йо	йиэ	сиро	сири	ийэгэ	сиру		напиль- ник
гасами	хадзя	хадзя	хадя	хадзя	хадзя	хадзя		ножницы
отока		ото	ото	ото		отон	орн	блюдо
китчи		конджё	кулуму			курми		цилиндр, сосуд
кемуспе			куча коп- туни	купту	коптин	копто		фугляр, ножны
тама	ан'а		аня	ана		ан'а	алгас	бусы
тамбаку	дамихи	дами	дамки		дамга	дамахи		табак
мось	муси		моси		мосин		мос	студень из рыбьей кожи
асисьпе		аули	хабулта	хавли	авул	хаоло		нарыв
геруйе		гилчуву (болеть)	гэрихэ	гэрихэн	гэрихэ			болезнь
ихокку	ходаси	худа	худасуву	худачи	хода	ходари		продавать

Сравнивая лексику, приведённую в таблице, можно прийти к выводу, что большая часть слов адаптировалась согласно фонетическим нормам соседствующих языковых групп, затронув лишь отдельные стороны систем контактирующих языков. Тем самым подтверждается вывод Г.А. Меновщикова о том, что в процессе заимствования, происходящего на уровне отдельных лексических единиц (особенно именной лексики, представленной в таблице), не происходит изменений в структуре самого языка. Изменяется лишь произносительная норма того или иного слова, но при этом происходит процесс обогащения лексического состава языков соседствующих народов¹².

К сожалению, ввиду недостаточного изучения проблемы, нет пока достоверных подтверждений заимствований в айнском и тунгусо-маньчжурских языках на уровне строевых элементов (суффиксов, приставок, окончаний), оказывающих воздействие на изменение структуры слов и предложений рассматриваемых языков.

Если обратить внимание на слова, представленные в таблице, то можно заметить, что наиболее близкими айнским являются слова из языков ульчей, орочей, уйльта/ороков. Несколько особняком стоит язык нивхов, но и здесь можно отметить определённые параллели. Л.И. Шренк, изучавший нивхский язык, отмечал, что в языке гиляков (нивхов), проживавших на Сахалине, были значительные отклонения в произношении слов, идентичных нижеамурскому диалекту нивхского языка. В частности, он указывал на звуковые чередования в словах амурского и тымовского диалектов нивхского языка. Так, звук ам. *ч* на Сахалине меняется на *т*: *пунч-пунт* (лук), *нгальскоч-нгальскот* (худой), *муч* или *мунч* — *мунт* (умереть), *эка(н)ч* — *эскант*; звук *ы* меняется на *а*: *тыф-таф* (дом), *пыт-пат* (завтра), *нымр-намр* (вчера); звук *е* — на *э*, *а*: *ехзуч-йэхзунт* (не знать); звук *ё* заменяется звуком *о*: *млё-мло* (кошелёк с огнивом); *ньё-ньо* (кладовая), *тлё-тло* (небо) и т.д. Подобные фонетические замены Л.И. Шренк объяснял влиянием более мелодичного айнского языка на сахалинский диалект нивхского. Причём он также обратил внимание на то, что большинство глаголов сахалинского нивхского имеет ударение на последнем слоге, что не характерно для глаголов материкового диалекта, но характерно для айнских глаголов. Согласно материалам полевых исследований в некоторых случаях наблюдаются различия в ударении в нивхских фамилиях (нижеамурский и сахалинский диалект), образованных от глаголов, например — *Мыгун* (н/а.д.) — *Мыгун* (сах.д.) (от глагола *мыть* — слушать), *Лайгун* (н/а.д.) — *Лайгун* (сах.д.) (от глагола *лають* — буранить, пуржить), *Райгун* (н/а.д.) — *Райгун* от (сах.д.) (от глагола *рають* — писать).

Влияние айнского языка на нивхский можно объяснить тем, что, отличаясь мелодичностью и звучностью (на 12 согласных — 5 гласных), он легко усваивался соседями, а по утверждениям учёных-лингвистов, чем мелодичнее язык, тем легче его выучить. Современный исследователь нивхского языка А.А. Бурыкин в статье «Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка» объяснял своеобразие нивхской лексики также влиянием айнского языка (*голос* — *ай.хау*, *хау-окка* (звать), *нивх. к'а*, *новый* — *ай.ачири*, *нивх. ч'уздь/ч'ирд*, *яйцо* — *ай.ноки*, *нивх. нойек*¹³ и т.д.).

В таблицу не вошли слова, перешедшие в языки народов Приамурья и Сахалина из маньчжурского. Это такие лексические единицы, как *хала* — род, *гашаньда* или *гасянда* — старейшина, *гурунь* — человек, государство, *нишики* и *джитоки* — китайский шёлк и др. Они широко использовались в речи как тунгусо-маньчжурами, так и палеоазиатами Нижнего Амура и о-ва Сахалин.

Каждый язык и его лексический состав отражают культуру определённого народа в разных её формах, в частности в фольклоре, который являлся исторической летописью бесписьменных народов, из неё можно почерпнуть сведения о религиозных воззрениях, обычаях и обрядах, материальной культуре аборигенных народов Дальнего Востока. Устное народное творчество было единственным средством информации, повествующим о событиях как прошлого, так и настоящего. До сих пор этнографы, историки, лингвисты обращаются к фольклорным материалам, находя там подтверждение многим гипотезам этногенеза и этнической истории этих народностей. В качестве примера можно упомянуть ороцкий миф рода Бэсэ об обстоятельствах породнения орочей с айнами¹⁴.

Определённые сходства прослеживаются в сюжетах эпических произведений тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов. Это заметил Л. Я. Штернберг, который интересовался не только этногенезом и этнической историей дальневосточных аборигенов, но и их языками. Представители этносов приезжали на Сахалин на всю зиму (остров в те времена был излюбленным местом охоты), селились в домах сахалинских аборигенов, рассказывали мифы и предания своего народа, в обмен увозя мифы и предания приютивших их хозяев. В свою очередь, айны также были частыми гостями на Нижнем Амуре. Л. Я. Штернберг и Б. О. Пилсудский в своих трудах утверждали, что сюжеты мифов тунгусо-маньчжуров и нивхов, связанные с обитателями моря «Сын матери воды», «Сын камбалы», скорее всего, айнского происхождения, так как именно у айнов бытовали предания о половых контактах людей с морскими животными. Легенда о муже-медведе, по словам Б. О. Пилсудского, возможно, переходила от нивхов к айнам и обратно, потому что айны не устраивали между собой дуэлей, о чём упоминается в легенде, в отличие от нивхов, у которых поединки были «обычным делом». В негидальской сказке «Благородный тигр» главными героями выступают айны, но на территории проживания айнов тигры не водились, поэтому сюжет, по-видимому, заимствован. В отдельных нивхских преданиях присутствуют различные термины, указывающие на айнское происхождение. В сказке «Сердитый змей» герой назван айнским словом *вен*, что значит демон. В предании «Женщины две, мужчина один» гиляк хоронит убитых им людей в земле, но этот способ захоронения был только айнским — нивхи покойников сжигали. Так, героями сказания о женщине с *vagina dentibus armata* кроме айнов являлись уйльта/ороки и нивхи, но благодаря некоторым деталям этот миф считается айнского происхождения¹⁵.

Изучение взаимодействия и взаимовлияния различных языковых групп имеет большое значение для решения многих общих и частных вопросов языкознания и лингвистических проблем, касающихся бесписьменных языков аборигенов. Можно заключить, что многовековое соседство

айнов, нивхов и тунгусо-маньчжуров, сопровождавшееся непрерывными и тесными социально-экономическими и культурными контактами, способствовало проникновению лексических единиц в их языки, и можно даже проследить некоторые общие элементы. Эта общность не генетическая, а приобретённая, но, несмотря на это обстоятельство, в результате тесных контактов происходило обогащение лексического состава тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков. Дальнейшие исследования сравнительного плана помогут позволить более точно определить характер внешних и внутренних связей этих языковых групп, тем самым способствуя решению проблемы не только общности языков аборигенов российского Дальнего Востока, но и расселения народов на этой территории, истории их взаимосвязей и взаимовлияний.

- ¹ Окладников А.П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии // Вопросы истории. М., 1964. № 1. С. 44—57; он же. Лики древнего Амура: Петроглифы Сакачи—Аляна. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968.; он же. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971.; он же. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1983.
- ² Алпатов В.М. Айнский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. М.: Изд-во Индрик, 1997. С. 126; Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.; Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб, 1883. С. 256—257.
- ³ Сепир, Эдвард. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. С. 173.
- ⁴ Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875. С. 53—55; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: Язык и роды инородцев. СПб., 1912. С. 982—983.; Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (к проблеме этногенеза народов Северной Азии) // СЭ. 1950. № 2. С. 26; Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. С. 21—30; она же. Народы Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 2001. С. 15; Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб., 1883. С. 230—231.
- ⁵ Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. С. 28; ПМА, 2005—2006.
- ⁶ Шавкунов Э.В. Сушени — праайны: (к постановке проблемы). Владивосток, 1990. С. 3, 8.
- ⁷ Pilsudski B. Materials For Study Of The Ainu Language and Folklore / Spolka Wydawnicza Polska, 1912. P. 136, 141.
- ⁸ Бошняк Н.К. Занятие части острова Сахалина и зимовка в Императорской Гавани // Морской сборник. 1859. № 10. С. 395; Пилсудский Б.О. Аборигены о-ва Сахалин. б/м и гт. С. 12; Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 563.
- ⁹ Кагаров Е.Г. Новый опыт построения «методики» этнографии // СЭ. 1935. № 2. С. 90; Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 2; Sasaki, Shiro Trading Brokers And Partners With China, Russia and Japan // Ainu: Spirit Of A Northern People. University Of Washington Press, New York, 1999. P. 184; Walker, Brett L. The Conquest Of Ainu Lands. Ecology and Culture in Japanese Expansion 1690—1800. California Press, 2001. P. 141.

- ¹⁰ Dubreuil, Chisato *Ainu Art: The Beginnings Of Tradition // Ainu: Spirit Of A Northern People*. University Of Washington Press, New York, 1999. P.290.
- ¹¹ Осипова М.В. Обряды и обычаи айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о-ва Сахалин: дис. ... канд. ист. наук. 2006; Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96.
- ¹² Меновщиков Г.А. Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики в эскимосском языке // Палеоазиатские языки: сб. науч. тр./ отв. ред. П.Я. Скорик. Л.: Наука, 1986. С. 69, 71.
- ¹³ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883. С. 219; ПМА, 2006; Бурькин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1988. С. 138.
- ¹⁴ Аврорин В.А. Лебедева Е.П. Орокские сказки и мифы. Л.: Наука, 1978.; Сем Ю.А. Фольклор народностей Приамурья и Приморья СССР как историко-этнографический источник // Фольклор народов Севера СССР: сб. науч. тр., Л., 1980. С. 3—19.
- ¹⁵ Pilsudski, B. *Materials For Study Of The Ainu Language and Folklore* / B. Pilsudski; Edited under Supervision of J. Rozwadowski, Ph. D. Professor in the Jagellonian University Cracow. Published by the Imperial Academy of Sciences (Spasonicz Fund). Spolka Wydawnicza Polska, 1912.; Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. СПб., 1908.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ай. — айнский
 ам. — амурский
 нан. — нанайский
 нег. — негидальский
 нивх. — нивхский
 орок. — орокский
 ороch. — ороchский
 уд. — удэгейский
 уль. — ульчский
 н/а.д. — нижеамурский диалект
 сах.д. — сахалинский диалект

SUMMARY: The author considers that archaeological and historical data present a clear picture, that the territory of the Russian Far East since the ancient times was inhabited by indiginous tribes. Their descendants—the peoples of the Low Amur and Sakhalin—the Nanaians, the Ul'chis, the Udeghes, the Nivhki, the Negidals, the Ainu living in the close vicinity, formed so-called Amur-Sakhalin anthropological type. They interacted with each other in different spheres of life. The climatic and environmental conditions, the similarities in economic activity and trade contributed to the formation of close cultures contacts between these paoples. Mutual cultural impacts are seen not only in customs and habits, technologies, hunting and fishing rituals but in the languages and mythology of tungus-manchurian and paleoasiatiethnic groups in the Amur region and Sakhalin as well. The certain parallels in languages detected as a result of the scientific research of the author are pointed out in this article.